

Сэр Гавэйн и Зеленый Рыцарь

Сказочный роман в стихах в переводе Владимира Стрижевского

16+

Неизвестен

Сэр Гавэйн и Зеленый Рыцарь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51848764

SelfPub; 2020

Аннотация

От переводчика: «Сэр Гавэйн и Зеленый рыцарь», аллитерационная поэма, принадлежащая перу неизвестного творца – шедевр средневековой литературы, и это единодушно признают знатоки и любители. В начале этого века был опубликован первый ее русский перевод. Он не прибавил славы доброму имени безымянного гения, а скорее замарал его. В своем переводе я хотел дать русскому читателю представление о красоте и глубине оригинала. Сдержанное употребление архаических слов и оборотов оправдано здесь тем, что английский поэт в умышленно простонародной форме описывает обычаи и образ жизни времен былинных и даже сказочных, и мне, для адекватного их отражения, приходилось изредка добывать из тины русской словесности ее золотые слитки.

Содержание

Песнь Первая	4
Песнь Вторая	26
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Песнь Первая

После приступа, долгой осады и падения Трои,
Преданной пламени и обращенной в персть¹,
Тот самый, кто сплел тенета² темной измены,
Был осужден и оправдан, ославлен и обелен.
Это он прозывался в эпосах принцем Энеем:
Племя его и поныне попирает Запад пятой,
Овладев в оны дни окаемными островами.
Где раскинуться Риму – Ромул резовою рысью,
Громоздит на холмах гордый каменный град:
В честь него наречен – носит надменное имя.
Таций в Тосканию – ставить тесовые терема,
Лангобард лощины Ломбардии одевает в леса,
Флот свой за море франков ведет Феликс Брут,
И блистая встает перед ним бугристый Британии
Брег:
Кровь рекой, вино веселья
Здесь текут из века в век,
Стороною от спасенья,
Ибо в ад впадает грех.

¹ прах

² сети

Бодро, бесстрашно барон наш Британией правил,
И взошли от его борозды мощные братья-бойцы.
Даровиты, двужилыны, да только дерзали без меры -
Через них мы немало испытали невзгод и напастей,
Зато же и дивных чудес, на зависть землям чужим.
Хоть и крепкими кладисты наши края королями,
Благородством особым от них отличался Артур.
От великих времен тех веками ходили в народе
О приключениях, подвигах и о походах преданья,
И откровенье одно об отчаянном рыцарском испытаньи.
Сядьте кругом и слушайте дивное наше сказанье,
Про турнир, о коем темные толки докатились теперь
И до нас -
Соразмерную старую повесть,
Строгим слогом, звучавшим не раз,
И затверженным мною на совесть,
Без потаек и без прикрас.

Рождество и Крещенье гуляет король в Камелоте;
Дом Артуров открыт для дворян и для дам,
Круглый стол в тронном зале, с ковшами – князя,
Там веселие вволю, в чаши пенное льется вино.
Где раскинулся луг, бьются рыцари на ристаньях,
Хрип коней, хруст щитов, леди в ладони – хлоп!
Ввечеру всей гурьбой ворочаются в замок:
От заката и за полночь в замке песни звенят,

Раздаются радостные Рождественские гимны.
Пятнадцатый день, почитай, празднуют святки:
Днем в доспехах дерутся, ночи с дамами в танцах,
Залы замка да галереи знай гудят да грохочут,
Сияют пылом каминов, порывом паникадил.
Хорошее, храбрее князей еще под Христом не ходило,
Дамы и добродевы дивной красоты, наподбор,
И пылкий король, кипучая кровь с молоком,
Ибо в нежных еще, в невинных летах народ,
Ей же ей!
Не бывало в Божьем свете,
Светлым счастьем пьяней
Посреди пиров, чем эти,
В поле битвенном вольней.

А гость новый к ним в гости³ идет, Новый год,
На возвысье вдвое и яств подают, и вина -
Вот король показался, колонной за ним князья,
Все примолкло, пресеклося и пенье в часовне;
Из кута, там где клир, клубами катятся клики -
Под сводами гулко гремят голоса: «Новый год!»
«С Новым годом!» гостей государь поздравляет:
Отзываются хором в хоромах «Во имя Христа!»
Разбредаются рыцари в разные стороны и раздают
Дамам прекрасным подарки, и пытаются, прыская,

³ пир

Дамы узнать-угадать, в которую же руку укромно
Рыцарем спрятан сюрприз, спорят, смеются.
Проигравшие платят с пылающими щеками,
И на обмене теряя, отдают они лаж⁴ охотно.
Вот, свежей водою умыты, важною вереницей
Ступают к скамьям, за дубовы садятся столы,
Всяк по заслугам своим, знатности али званью.
От Гвинеvры-красавицы по гриднице – грев⁵,
Сидит, что свеча горит, в кресельце синего бархату;
То тулузская ткань над нею, по ткани тисненный узор,
Сень⁶ снизана самоцветами, что ни сторговать,
Ни сметить.

Нет милее ее, хорошей,
Ни во сне, ни на белом свете,
А сияющих смурых⁷ очей,
Вам и в сказке другой не встретить.

Угощают гостей, но Артур не отломит и хлебца -
Жил он жаркою, жадною и ненасытною жизнью,
Непоседлив и неукладист, ну ребенок-неугомон!
Кипела в нем княжая кровь, и кругом шла голова -
Вьюн! Все высматривал новых себе впечатлений.

⁴ разница на промене

⁵ тепло

⁶ балдахин

⁷ серых

А у всякого принца свои и прихоти, и причуды:
В праздник порою простынет обед без притрога,
А упрямец ни-ни: пусть попотчуют сказкой сперва, али
песню споют

Да о бранных походах, о битвах за Божию веру,
О великих героях, волшебстве, ворожбе и волхвах,
Аль проезжий какой паладин пожалует в пиროванье,
Пожелавши померяться силой на поединке с любимым,
И удар на удар сшибутся они, пытая удачею участь.
Так, по преданию, время они проводили, и вот потому
За столом -
Стоит Артур, не сядет,
С ликующим лицом,
И чуда ждет, да грядет
В веселии своем.

Близ супруги за высоким столом он стоит,
С нею и прочими ведет за прохлад⁸ беседу.
Перед ним узорчатый плат дарами покрыт,
Справа от госпожи Гвиневеры сэр Гавэйн,
Слева – сэр Агравэйн, Артуров аколит⁹,
Сородичи короля, сестрины сыновья,
Птенцы его гнезда, преданная подмога.

⁸ светскую

⁹ неразлучный спутник

А там, гляди, на другом конце гостьбы,¹⁰
Бискуп¹¹ Бодевин благословляет брашна¹²,
Айвен, Урьенов сын, убрался в уголок,
И уже уплетает уху втихомолку!
На помосте пирующих полным-полно,
И за столами по сторонам едоков сила!
Первая постанова: взголосило полчище труб,
Быют бубны, бухают тимпаны, бубнят гобои,
Воем варварской музыки витязей тешат,
Вносят славные стяги на середину:
При виде их выпрыгивают от восторга
И гордости у гостей аж сердца из груди.
А у короля каких только кушаний
Ни подают на пиру: просто прорва!
На скатертях места свободного не сыскать,
От сутолоки серебра стук да гром, словно
Рати рубятся в дым.
А рыцари ладные – и с собой в ладу,
Засмеют, не попадайся на зубы им,
Двоим тащи яко дюжине еду,
А вина да браги не бегом, а кубарем.

¹⁰ пира

¹¹ епископ

¹² блюда

А про яства и яться¹³ не стану: поберегу язык,
Что там блюд пруд пруди, подавали без перебоя.
Чу! Что за чудный слышится шум у врат во чертог?
Али повод Артуру присесть, да попить, да поесть?
Эй, на страже, а ну-ка? Незапное наваждение: едва
Стихают струны, а над супами еще струится пар,
Вламывается в гридню¹⁴ верзила, верхом на коне -
Такого громадного, такого гнетучего господина
Вряд ли рожала Земля! Проход заградил, ни зги
Не видать: ага! Ого-го! Огромен, осанист он,
Тумбами ноги, тулово будто тесано топором,
Великан не великан, а с полвеликана, верно, будет...
И не чучело, человек человеком, только чудной -
Он просторен, широк в плечах, в пояснице тонок,
Он статен и пышет силой, он соразмерно сложен,
И высится странно и страшно, словно падуб он,
Али клен.
Ай да рыцарь! Кто растерян,
Кто, обратно, изумлён:
Ибо весь он ярко-зелен -
Точно зелием зелён!

И на нем сверху донизу зеленый наряд:
Знатный запахнут зипун зеленого цвета,

¹³ расточать слова

¹⁴ гридницу

Простенькая приволока¹⁵ кинута на плеча,
Вся оторочена огнисто-меховою опушкой,
Купавый капюшон подхвачен под кадыком,
От гибкой спины до голешек зеленые гачи¹⁶,
Вместо шпор золотистые шелковые шнуры,
Не чедыги¹⁷ на нем, а что кожа чулки-черевики,
Покоятся ступни в стремях серебра со сканью¹⁸.
Истинный крест, он искусно изодет в изумруд!
Зеленый пояс подхвачен золотою пряжкой,
На чепраке искрятся, играют чистые изумруды,
Зеленым отливают и залихватские луки седла,
И зеленым там и сям сияют на свитке камни...
Ярким... но яться не стану, устанет язык,
Стан затянут в скурлат¹⁹, стрижи и стрекозы
На темно-зеленом земе²⁰ порхают, зернисто -
Красным златом – блещут клювики и коготки.
Камни на сбруе коня, и зеленая камка²¹ на крупе,
В зелень забраны забедра²² и зависистый хвост,

¹⁵ род плаща

¹⁶ род штанов

¹⁷ сапоги

¹⁸ насечкой

¹⁹ в бархат

²⁰ фон

²¹ богатая ткань

²² часть торса

От холки хрущатое²³ ожерелье зеленой глазури,
Репица²⁴ конская в зелени, и резное седло, и решма²⁵,
И попона, и потник, и подпруга, и донца стремян,
Вот он повалил на них пятки, чтобы прямо в седле
Привстать -
На этом грозном, гордом коне,
Созданном пропасти перелетать,
На этом стальных удил грызуне,
Зеленой масти, ему под стать.

Вырядился вельможа весь по-весеннему,
Муравчатый²⁶ наряд к лицу могучу молодцу,
Вихрами выются вокруг вязей²⁷ зеленые волосы,
Под цвет и густой гриве, и гребню скакуна,
Пышно пряди прыгают на широких плечах,
Борода, как бурьян, бурлит до самого брюха,
Локоны льются от упрямого лба до локтей,
Кутают будто в кокон, а-ля кападос короля,
И голову его, и мощную грудь; конская грива
Убрана и увита, как у витязя шевелюра,
Ровно расчесана, расплетена в два распада.

²³ узорчатое

²⁴ корень хвоста

²⁵ украшение конской сбруи

²⁶ мурава – трава

²⁷ скул

В конских прядях пламенеет рыжая пряжа,
И жгут золотой жарко женится со зеленым.
Хлещет хвост, а от темени хрипуна-ходуна
Грива до холки струится золотой гроздью,
Провязана зеленым переливчатым бантом,
На репице узел, а гнуто-резная шея рысака,
Звякает сладкими золотыми колокольцами!
Купола от копыт гремят, конному проезды
Тесны, узки,
Взглядом сбивает с ног,
Рыцарь и первой руки,
Сразиться бы с ним не смог:
С одной оплеухи б раскис.

Но нет байданы²⁸ на нем, бахтерца²⁹, брони,
Ни лат, ни литых доспехов, ни на лице
Забрала, ни шелома³⁰, или в шуйце³¹ щита -
В одной везет руке взъерошенную ветку,
Сорванную со священной пушистой ели,
Той, что и в обнаженных озябших лесах,
Среди злобной зимы, занозиста и зелена,
И сверкает свирепая в деснице его секира,

²⁸ кольчуги

²⁹ панциря

³⁰ шлема

³¹ в левой руке

Беспощадный бердыш боевой, да с багром,
Чтобы скоком стянуть из седла сарацина.
Что секач той гизармы³² станет в сажень,
На ратовище³³ насажено железное жало,
Заостренное, сыплет златым и зеленым,
Лихое лезвие любовно заточено до лоска,
Вольящатое³⁴ аж само впивается в воздух.
Мощною дланью держит дубовую рукоять,
Она окована железом и отливает в зелень,
Топорище тисненной перевито тесьмой,
Оплеткой до обуха обернувшей его алебарду.
У наверхия она прочно прихвачена петлей,
Пята протазана³⁵ вставлена в плотный чехол,
На зеленом чехле тонкая червонная чеканка
И затейливы сценки засад, и в засеках сугоней.³⁶
С оружием этим, и лапой еловой в охапку,
Всадник въезжает в высокую тронную залу,
И не трогая никого и ни о чем не тревожась,
Без поклона, привета, или приличных речей,
Становит коня и цедит сквозь зубы: «Скажите,
Кто у вас верховод над разгульной ватагою? Я бы

³² секиры

³³ древко

³⁴ кованое

³⁵ секиры

³⁶ погоней

Рад-радешенек был поглядеть, да решить кой-чего
По уму...»

Он обводит за рядом ряд,
Знать, надобно знать ему,
Кому тут князья кадят,
Кто хозяин в красном дому.

С изумленьем, испугом, мертвым до истуканства,
Кто сидел, кто стоял, на месте застыли, и смотря:
Что значит зеленое это вторженье на званный обед?
Зелены ж! Зеленеет травы в заповедных чащобах!
И фарь³⁷, и фаревщик³⁸ зеленым горят как финифть,
Зеленую эмалью на застежке из чистого злата.
Слуги толпою таращат глаза; дивятся в тревоге;
Подступаются, полюбопытствовать и – отбежать;
Озираются из-за столов ошарашенно и осторожно -
Как он с ельничкой ездит и кружит коня, при езде
Ни едва не качаясь. Необычна наружность, наряд...
Те чертоги – чего не видали! Немало и чар, и чудес!
Волшебства же такого вовеки и отроду – не! не видали!
А что скажешь? Секира одна отбивает к ответам охоту:
Тишина настает там такая, точно дремою скован
Двора королевского цвет.
Тот от ужаса, тот от унынья,

³⁷ конь

³⁸ конник

Уступают Артуру ответ.
Как воды в рот набрали иные -
Ибо так им велел этикет.

Оторопели! Но ясной Артур осветился улыбкой,
И обе раскинув руки, как объятья ему открывая,
Промолвил: «Добро пожаловать тебе, пилигрим!
Заезжай к нам на двор, за хозяина я, звать Артуром, —
Сделай милость, слезай-ка с седла, и присядь:
Мы к услугам твоим, убудим, а с делом успеем.»
«Нет, смеется, помогай мне Сидящий в Сиянье Небес,
Прохлаждаться у печки, простите мне, парни, не стану.
Славные слышал я сказки про смельчака короля,
Про доблесть двора и его несравненной дружины -
В Камелоте красного камня дома и купцы тороваты!
Первые панцырные наездники – то ж артуровы пэры!
Рыцари ражие рубаки, им нет на ристалищах равных!
Короче, кровь голубая, краса и гордость земли – тут.
Знатоки законов чести, зеркала истины и чистоты.
Послушав сих басен, бросил все, поднялся, приехал.
Везу на веру ветку священного древа, что вражды
Иль избойни³⁹ я не ищу, а иначе бы в вашу беседу -
Броню бы надел, поддел бахтерец, булат прихватил
И копье, а коня обстегнул ладно-кованую попоной:
Оружия у меня напасен арсенал, оно всегда наготове.

³⁹ драки

Но едучи с миром, а не мечом, я мягко оделся-обулся,
И хотел об одном: коль ты храбр, как тебя мне хвалили,
Окажи мне услугу, не откажи в одиночной забаве, так -
Ради смеха.

Артур отвечает, спокоен:

«Ты на поединок приехал?
Добро же, доблестный воин,
Поверь, будет тебе потеха.»

«Нет уж, где мне биться с безбородой богатырней,
Стыд один! Сяду я на коня, себе самому под стать,
Самый отчаянный из твоих не окажет мне отпору.
Речь только об одной резвой рождественской игре,
Славной в святочные дни у сорвиголов-удальцов.
Видь: важный топор? Вызываю любого вашего взять
Двумя руками за верное его ратовище, да рубануть
По небороненной шее, и отсечь буйную мою башку.
У кого из твоих хватит духу или дури, долбануть -
Сей же час подставляю под удар затылицу и плечи:
Выходи, кто хочет, и хорошенько хватани меня –
Я откажу смельчаку и секиру свою, коли сдюжит -
Потому как в ответ я ж попотчую прыткого тоже!
А, ребята? Да не сразу расплата, погулять разрешу
Хоть недолго.

Год и день готов пождать

Вишь-ка ты, с возвратом долгу,

Только чур – мне слово дать -
А то ищи в стогу иголку!»

Тут все выпучились: он вообще в своем уме,
Или от зелени и мозги до затылка замшели?
А приезжий сидит в седле, да смотрит: слабо?
Сверкает своими красными свирепыми очами,
Поводит бровями, поглаживает бравую бороду,
И рыскает по рядам, неравно найдется рьяный,
И вскочит, но не встал и рьяный, тут вальяжно
Захохотал он, аж закашлялся и злорадно гаркнул:
«Да это ль хваленый Артуров доблестный двор?
Где ваша гордость, где грозный и праведный гнев?
Смелые речи, светский манер, жажда до состязаний?
Знать, у бойцов-то бравада одна, да бахвальство -
Стоило слово сказать, вы чуть под стол не скатились,
Здоровы! А еще топоришко не зазвенел, не занесся!»
И так громко гордец этот загоготал, гадко трясясь,
Что король, губу закусив, и краску обиды скрывать
Уж не силясь,
Вдруг вскипел как ветер,
И все вокруг сгрудились:
Он не страшился смерти -
Им рыцари гордились.

Но Артур собой овладал, и ответил: «во имя Отца,

Приятель, просьба твоя не глупа, зато причудлива -
Много ты над ней мозговал? Но мы тебя уважим.
Наших никого не смутили твои надменные слова.
Живо, где твоя железяка, я тя с легкой душою ожгу,
Пособи мне Господь, ты получишь заветный подарок!»
Тут Артур низко нагнулся и схватил наглеца за рукав,
С силой вынял секиру и с нею прыгнул вниз со стола.
Всадник сей же час сходит на лещадь⁴⁰ с коня и стоит,
Беспечно пред королем, нависая как башня, башкою.
Опять он посмеивается и поглаживает бороду, полы
Кафтана распахивает и не комом кладет на скамью,
А бережно, будто бы в баню, будто ему не булатом
Шею просадят, а поднесут пересохшему горлу чарку
Вина.

Гавэйн подле королевы,
Как сидел, едва склоняясь,
Говорит: «Артур, без гнева,
Испытать изволь меня.

Велите мне выйти изо стола и встать подле вас -
Любо пособить, лишь бы леди молвила «ладно»,
Бок о бок с вами пред сим благородным двором!
Потому не пристало Вам во престольных палатах,
Ваше величество, возражать на вздорный вызов,
Хоть не терпится на топорные речи дать твердый

Ответ самому. Здесь сидят на скамьях смельчаки,
Жизни которых, кажется мне, не жарче вашей,
И не богаче бранные подвиги, где б ни бряцала
Сталь и ни свивались стяги. Я самый слабый из вас,
Еще без царя в голове, вчера от цацек да в ципках,
Тот и прок, что племянник я ваш, и брeнная плоть -
Вашею орошается кровью! Отдайте оружие мне:
Я вызвался первым, всем поперек, на эту потеху!
Пусть я опозорюсь, все плюнут, да и позабудут,
И по совести если, смерть моя никому не страшна;
От меня не убудет, а и убудет, убиваться не станут,
Особо-то...»

И палаты, до последнего рыцаря,
Ожили одобрительным ропотом –
«Пусть попробует, самая ему пора!
Ибо что за отвага без опыта!»

Король-от кивает, чтоб ему с козел к нему сойти;
Сходит он кротко и становится рядом спокойно.
Получает племянник из дядиных рук протазан,
Преклоняет колени, король покрывает ладонью
Правое ему плечо и, подъявши руку к молитве,
Благословляет Гавэйна брешью Божьего сына:
«Уговор у вас такой, ты ударишь его только раз,
Постарайся сильней садануть; коли сладишь,
То потом он тебя острием обиходит в ответ».

Сэр Гавэйн, сжимая секиру, ступает: зеленый
Просто и без промедленья его приветствует так:
«Давай уточним наш договор, а уж там и за дело.
Во-первых, ты вишь-ка, велишь как себя величать?»
«Звать меня Гавэйн, и я заклинаю тебя, зеленый,
Принять от меня подарочек меж плеч и темени,
Этой секирой, а там чему стать, тому судьбовать!
Через двенадцать месяцев день-в-день ты должен
Разить меня и с размаху развалить хотя пополам, —
Коли буду на свете, свижусь с тобой, а секира, небось,
И другая найдется.

И в ответ зеленый (змей!):
«Сэр Гавэйн, как доведется
Бить меня – ты бей сильней!
Скоро ли! Мне аж неймется!»

«Поверь, продолжает Рыцарь, мне особо приятно,
Господин мой Гавэйн, от тебя принять гостинец,
Какой я выклянчил под кровлей этого короля.
Ты точно, до запятой и точки, повторил трактат.
Последнее: поклянись, что пройдешь все пути,
Найдешь меня, где б ни был под навесом неба,
И уплатишь сполна за условленный удар: уговор?»
«Уговор, – промолвил Гавэйн, – но позволь, подскажи –
Не таи: где искать тебя? Я терять твоего следа
Не хочу, но, не зная твоих ни земель, ни звания,

Знать разве, что ты – Зеленый рыцарь, не злись,
Одного этого мало. Открой свое имя, а я дам обет –
Не щадить ног, не спать ночей, найти твой намет». ⁴¹
«В Новый год, – нудит Зеленый наездник, – начинают
С подарка, а потом получают в ответ. Приступай!
И я, как снесу твой суровый удар, сразу открою,
Имя мое, и именье, и в каких избываюсь краях.
Как кровь потечет, свяжет нас крепкою клятвой,
Я все расскажу, а рта не раскрою, вы не ратуйте ⁴² –
И тебе легче легкого, ленись, лежи себе на боку,
Никуда не езжай, ибо если как навеи ⁴³ я нем – долг навек
Твой простил.
Ну, бери мое махало,
Садани что хватит сил!»
«На!» И хряжево в нахала
С тяжким выдохом сгрузил.

А Зеленый и зубоскалил, да готовился к злой секире:
Поклонился в пояс и, распушив пышные пряди,
Отложил их от шеи, оголив для удобства остря.
Витязь, вышагнув левой вбок, враз намахнулся,
Сосверз на него протазан, прорубая позвонки,
И прямо сплеча врезал верхней пятою в пол.

⁴¹ обиталище

⁴² помогайте

⁴³ мертвец

От удачного удара тот уронил хвойную голову -
Она прыжками постукала под ноги пирующим,
Подкатилась, те пинать ее, кто пяткой, кто пыром,
А кровь шумной струей, шипя, шпарила из шеи,
Заливая зеленые одежды обезглавленного тела.
Но Рыцарь не растерялся и не рухнул наземь –
Припав под лавки, принял пунцову голову из пинков,
Встал крепко на ноги, и за волоса воздел ее в воздухе.
Твердой походкой идет к рысаку, поднимает поводья,
Вставляет ступни в стремяна, стрункой садится в седло:
Все нипочем.

Хоть бы покачнулся телом,
Кровь кидающим ручьем!
Знать, злодей, идя на дело,
Все предвидел, все учел.

Тут у головы подпрыгивают веки; глаза гложут
Государыню Гиневру, голубку, на горнем месте,
Губы оживают и тихо молвят гневному Гавэйну:
«Смотри же, сдержи слово, данное при свидетелях,
Этих рыцарях – ровно через год разыскать меня,
И утром Нового года сквитаться ударом за удар.
Чем свет ты пожалуешь в чашу Зеленой часовни:
А звать меня запросто-просто – Зеленый Рыцарь.
Ты волею вызвался, сам вверил выю моему мечу,
Не придешь, прослывешь предателем и трусом.»

Тулово разворачивает рысака, рванувши за ремень,
Голова на весу, в горсти волоса, грядет из дворца,
В галоп разгоняя коня загрохотавшим проходом,
Извергая, как ископыт⁴⁴, искры из каменных плит.
Куда он девался из потрясенных палат, непонятно,
Как неясно и то, в каких обретался краях, и какой
Принес его бес.

Сэр Гавэйн с самим Артуром
Над Зеленым смеялись до слез,
И над видом витязей хмурым -
Очумевших от этих чудес.

Но хотя храбрился Артур, хохотал он притворно,
Скрывая свое смятение от погрустневшей супруги.
И, завидя великую в лице ее боль, он воскликнул:
«Ничего она не значит, наша забава с Зеленым -
Притча в прямом духе святочных празднеств,
С турнирами, трапезами, тонкими розыгрышами,
Представлениями, пляской дам и их паладинов.
Навернуть бы мясца миски две, ибо я не мечтал,
Видит Бог, о таком великом волшебстве, как это.»
И Гавэйну: «сэр рыцарь, вешай секиру на стену,
Ты намахался для Нового года немало, передохни!»
Прикрепляют они протазан над тронным парапетом,
Доказательством чуда, памяткой дивных деяний,

⁴⁴ грязь из-под копыт

И оба в обнимку идут ко столу с остывшим обедом.
Кушают за четверых, кравчие крушат им пироги,
И чашники цедают вино в чарки из чистого серебра.
Вот и ночь подкатила, и набок пора, да попробуй-ка
Сам прикорнуть!

Час пробьет, и порошей белой -
Может быть, последний путь...
«Сэр Гавэйн, ты самый смелый,
Приезжай, не забудь...»

Песнь Вторая

Так обломились Артуру, не в одну руку, в обе,
И кудесник, и коляда, о какой и не помышлял.
Снова садясь за стол, ему не до слушанья сказок:
Из дремучих чащоб понагнало диковиннее дела.
Гавэйн погоревал, да затеял в горелки с гостями,
Вы подивитесь: пирует и позабыл про похмелье?
Весел человек, как выпьет пол-ведра зелена вина!
А год катит кривым колесом, и в коловращенье,
Ничто почти никогда не кончается, как началось.
Поспешают одна пора за другой, все четыре погоды:
Бегут быстрые дни: было на Богоявление белым-бело,
Сугробами да стужею откатали святки: сорокадневный
Потянулся пост, пытка грешной плоти скудную пищей.
Вот уж весна восстает против выюжной зимы, и холод,
Проваливаясь под землю, томится пленником погребов,
Тянет теплом: протаяли тусклые дни и туманные тучи,
Мягко моросят над миром дожди, мнут снега, мерзлую
Растапливают и рыхлят почву, уже распускаются цветы,
О ту пору поля и перелески примеряют зеленые платья,
В шумной листве щебечут и счастливо вьются птицы,
Ибо солнце блещет в синеве, и серебряные струи реки
Журчат и плещут.
В ветвях не молкнет певчих хор,

Рулады горлом хлещут,
Бурлит, гремит зеленый бор,
И хвойным духом мечет.

Льется лето, ласкает ветром лепечущую листву,
В зарослях и зеленеющих злаках дышит Зефир.
На рассвете травы расплачутся сладкою росой,
Слезами счастья, завидя смеющееся им солнце...
А улыбки все угрюмей и реже, поспекает урожай,
И закаляет, гранит зерно: «зрей, зри: грядет зима»,
Пыль поднимается с пашен и пудрит пегую дубраву,
Свищут, свиваясь столбом, с силою задувая солнце,
Одичалые ветры, обрывают одежду с дерев, осыпая
Палой листвой пожухшую, вчера еще праздничную,
Гарную траву, и гибнет густившееся летом, и гниет,
Не сжатое ко сроку.

Минуется Михайлов день,
Зима змией к порогу -
И начинается сэр Гавэйн
Готовиться в дорогу.

Свиделся сэр Гавэйн на праздник Всех святых
С королем Артуром и князьями Круглого стола;
Артур закатил отменный обед, иначе – отвальную,
Пришли попрощаться с ним и прекрасные леди:
Глаза заплаканы, грустят о сэре Гавэйне, горюют,

Смеются через силу, отойдут в сторонку, скиснут,
В уголку поплачут; после угощенья, улучив минуту,
Оборачивается он к Артуру и обращается вот как:
«Повелитель и порука жизни моей, настала пора,
Дозволь ехать; ты знаешь, как дорого мне это дело.
Скажу лишь словечко, и больше не стану об этом.
Заутро поскачу к Зеленому Рыцарю, а Зиждитель
Коему предаю себя, пусть повершит мою судьбу.»
Тут, ковши побросав, краса и гордость Камелота,
Айвен, и Айрик, а за ними и многие остальные,
Сэр Доддинал де Саваж, Дюк герцог Кларенс,
Ланселот, Лайонел, и добрый лорд Лукан,
Сэр Бус и бравый сэр Бадуэр, богатыри оба,
Прочие панцырщики и сам Мадор де ля Порт,
Всей компанией, король впереди, идут ко Гавэйну,
Окружают, заключают в объятия, да про оружие,
Говорят, и с такой горечью в сердце, «грядет-де удар,
Неотвратимый, и надежды нет, а ты не шевелнись,
Как склизнет острие: свела же судьба с проклятым
Дровосеком!»

«Послушать вас, так вставши, за вытье,
Но злая ли судьба, – ответствует со смехом, —
Иль добрая, испытывать ее –
Вот все, что остается человекам».

Спозаранок одет, он шлет за снаряжением слуг -

Сбегали они, а за то время и в зале уже застлали
Каменный пол кошениловым⁴⁵ тулузским ковром:
Складают на самый серед златокованную сбрую.
Воин встает над ее величественным мерцанием.
Он одет в облегающий тело объяринный⁴⁶ вамс⁴⁷,
И в кольчужный капюшон колокольной формы,
С огненной меховой оторочкой, осеняющей чело.
Сильные икры стягивают ему стальными сапогами,
От лодыжек до колен ладят на голени литые латы,
Покрывают чашечки полированными полянцами⁴⁸,
Подхватывают повыше колен золотыми подвязками,
Битюжки бедра берут в крутые битвенные квисы⁴⁹,
Он продевает руки в проемы блестящего панцыря,
Чажелою чешуей чехлит грудь да чрево до чресел.
На руки надевают налокотни да наручи до пястей,
И пластинчатые рукавицы, поособь каждый палец.
Вот, доряжен в дорогие славные доспехи, он теперь,
Напридачу убору,
Облачается в тунику «куате-армур»⁵⁰,
К каблукам цепляет леву-праву шпору,

⁴⁵ красным

⁴⁶ род ткани

⁴⁷ поддевка

⁴⁸ наколенники

⁴⁹ набедренники-франц.

⁵⁰ *особый род туники-франц.

Ножны вяжет на шелковый шнур -
Задвигает добрый меч до упору.

Благородный воин ступает в богатой броне.
Каждый хлястик кручен из красного злата.
Облачен, к обедне идет, застывает у алтаря,
Там причащается тайн, твердит имя Творца,
Сходит с паперти на площадь, идет в палаты
Артура, тот обнимает его и осеняет крестом,
Целует в лоб, и лорды, и леди во имя Иисуса.
На дворе уж грызет удила гнедой Гринголет:
Седло солнечно сияет золотыми гвоздками,
Наново набитыми на такое неотложное дело,
Поводья перехлестнуты на шее, а пахвица,
Потник и подхвостник⁵¹ из парчи, и по цвету
Сочетаются с седлом и остальной сбруей.
Заклепки пылают на пурпурной попоне,
Золотые играют как зеркала в лучах зари.
Потом поднимает он шелом и, поцеловав -
А шелом важной, внутри выстелен мягким,
С высоким верхом – водружает на голову.
Ослепительное ожерелье охватывает горло,
Крепится к краю забрала лентой с каймой,
Продетой в прозоры и прихваченной бантом:
На широкой шелковой ленте, узорами шитой,

⁵¹ элементы сбруи

Порхают горлицы, попугаи чистят перышки,
Там свиваются сердечки и сдвоенные узелки,
И до того роскошной и редкой работы лента! —
Долгу зиму рукоделили девицы день да ночь,
Никому не сказывая.

Драгоценный обруч венчает шлем:
Обруч весь усыпан алмазами -
Он сияет светлей царских диадем -
Зеницы слепит огнями разными.

И шлют ему на верх шапной⁵² червлёный щит,
По пурпурну полю золотая пятиострая звезда.
Приторачивает перевязью через правое плечо,
Чтобы высоко висел и всем вздор, кто витязь.
Вас утомить и самому устать, да из уст в уши,
Я рад рассказать про рыцаря этого пятивенчие.
Сия звезда считалась символом царя Соломона:
По преданию, пятиконечник знаменует правду,
Поелику сия фигура на плоскости, о пяти пиках,
Образована двойною обводкою своих остриев,
Очерченных одной и той же линией, без отрыва
Пера, причем каждый луч проходит по разу под
И над соседним, сверху и снизу, то и сдвоенные
Внешний и внутренний периметры везде единое
Целое, зане звезда замкнута как в замо́к, и зовут

Ее в Британии будто бы «безразрывным узлом.»
Вот затем она впору тому воину во всеоружии,
Что сэр Гавэйн был рыцарь сильный и светлый,
Чистый помыслом, правдивый, лишен пороков,
Пылкий и прочный, како пять и пятижды пять,
Как золото и как эта звезда, и не было в нем зла,
И мыслей низких.

Сего совершенства старинный знак
На щите он носит и на тунике:
Эмблема, как рыцарь, проста и ясна, —
По пяти сущностей в каждом пике.

Перво дело, что не подводили его пять чувств.
На себя он полагался, как на свои пять пальцев.
Уповал на пять пробоин во плоти Иисуса Христа,
Претерпленных пресветлым на перекладине креста:
Рыцарю и в рьяной сече мерещилось это распятие.
А силы черпал в пяти радостях той, чьим чревом
Мир был спасен – Божьей матери девы Марии.
Благостный образ Богородицы он перед битвой
И велел изуграфу⁵³ изразить на исподе⁵⁴ щита,
Дабы, взглянув на него, воину возвращалась воля.
И еще последние пять присущих рыцарю качеств:
Вот они все: вежливость, великодушие, верность,

⁵³ иконописцу

⁵⁴ с тылу

Набожность и непорочность, неискривленная ничем.
Эти пять доблестей, никогда не покидая его, прочно
Соединялись с другими по пяти звездным остриям,
И поколе во имя правды пять первых поддерживали
Вторые пять, и поколе плавно по всем пяти пикам
Линии шли, ни в коем луче не ломаясь, крепче лат, —
И в самом бешеном бою не отыскать было бреши -
Воина ни смутить, ни свалить, ни сразить, ни осилить.
Упорней брони укреплял его безразрывный сей узел,
Затем и накована золотая звезда на алую землю⁵⁵ верного
Его щита.

И подхватив копьё сверкающею дланью,
Слиян со статью скакуна-гнеда,
Он поугаит: «до свиданья!»
Но понимает – «навсегда».

Он пришпорил коня, будто пронзая, и помчался,
Что камни вспыхивали под копытами как печка,
И все провожавшие почувствовали такую печаль,
Глядя, как сэръ Гавэйн уносится на верную гибель!
И, сокрушаяся в сердце своем, сказал сосед соседу:
«Во имя Иисуса, я истерзанным взором смотрю,
Как жертвует жестокому жребию джентльмен,
Самый достойный на свете и почти что святой.
Гораздо б мудрее было сделать Гавэйна герцогом,

⁵⁵ поле, фон

Господином громадной отчины, гордостью края,
Чем отдать его на заклятие зеленому злыдню!
Разумно ли разбрасываться верными рыцарями,
Подбивая их на святки состязаться со смертью?
И куда смотрят и сам король, и его советники?»
– А тот взором, полным слез, провожал рыцаря, пока,
Почти потухший, в последний раз, на повороте,
Шелом его не блеснул.
Не затянул прощанья он,
Вскочил, как на войну.
Его скитаний целый том
Сложили в старину.

Вот он пересекает похолодевшие просторы Логреса,
Оглашая тракт конским топотом и не ища турниров.
Иногда глубокой ночью сэр Гэвэйн, славясь Господь,
Блуждает в самой чаще бора или в бескрайней блони⁵⁶,
Сбившись с дневной дороги, и нет рядом с ним друга,
Разве что конь под ним, но над ним в небесах Творец,
Отец наш не оставляет рыцаря и откликается молитве.
Он забирается далече на север Уэльса и слева от себя
Едва различает шум еловых вершин острова Энглсей.
Он переправляется через протоки порожистых рек,
Взбирается на высокие холмы Холихед и въезжает
В лесное урочище Уирул, в узких ущельях которого

⁵⁶ пустошь

Мало живет людей милосердных и молящихся Богу.
И на развилках он спрашивает о Зеленых рыцаре
Или часовне, но ни один человек не чаёт, что чудной
Водится там великан.

Скакал, не думал повернуть он,
Все дали взором проникал,
В распутицу и на распутье
Зелену звонницу искал.

Он карабкался на каменистые скалы в диких краях,
Лишенный любимых друзей в лихих испытаньях;
Бывало не раз, за бурным потоком, на диком берегу
Подстерегал его злой человек, а чаще злое чудище,
И в мертвой ночи, во мраке мшистых чащоб, мечом
Он разрушал чары; на него скалились черепа и черти;
Он одолевал драконов и диких зверей; дивные видел
Дали; так что десятой доли пережитого им не упомяну.
Угрожали ему матерый волк, медведь, мощный кабан,
И одержимые бесами отшельники – обитатели отрогов
Безвестных гор вступали с ним в бой, но бездыханные
Падали к ногам Божия слуги, одаренного силою свыше, —
Ибо рыцаря растерзали б рыкающие звери и разбойники,
И когда бы не Господь, где б нашел гибель сэр Гавэйн?
Железные битвы были его жизнь, но жестокая стужа
Тяготила его – во тьме трескучие морозы как тисками
Сдавливали тело: становилась зима, стекленела вода,

Дождь грохотал в горах, на лету превращаясь в град:
Приходилось спать в панцире, спасаясь от порывов
Выюжного ветра в улогах и впадинах, меж валунов,
Могучих валунов, поросших влажным мхом, мокрых
От снега, или под гребнем седого водопада, на скалах,
Под гул и рассерженный рев, пробуждаясь по утрам
От сумрачного света, струившегося сквозь сосульки,
Свисавшие со страшной высоты почти до самого дна –
Иссеченный иглами измороси, издрогший, иззябший,
Видя, как мечется в мутном небе метель и мерцают
Между стволов матовые сугробы, он стремится ввысь
Взволнованный верующий взор и вдруг вспоминая:
«Навечерье⁵⁷ Рождества!»
Молит Милостиву Деву,
Шепчет жаркие слова:
«Укажи к укрытию, греву
Путь за снежны покрова.»

Вот спозаранку в сочельник скачет он на ретивом
Своем коне по снежным браздам в соборном лесу:
Вершины под белыми шапками шевелятся, шумят;
По обе стороны тропу опоясывают огромные горы;
В оврагах целые рощи орешника одеты невестами;
Величавые дубы важно скрипят на вековых корнях,
Сыплот с ветвей сверкающий снежок на сизый шлем,

И птицы на голых сучьях печально пищат от стужи.
Он под ними скользит на Гринголете, своем скакуне,
И летит мерзлая ископытъ на мраморно-мертвый снег,
А рыцарь в эту рань думает про рождественскую мессу,
Страх боясь пропустить службу во славу Божия сына,
Дарованном миру Девой Марией, дабы избыть наш грех.
И вздохнув, он возвел в небеса взор и вот что молвил:
«Молю, Отец мой, и Дева Мария, милая мать наша,
Дайте мне приют и покой: скоро полдень и пора мессы.
Я покорно и кротко прошу, и прочту, в подтвержденье
Верую, Богородица Дева, Отче наш. И вот, вздохнувши,
Начинает, слышно чуть.
Грунью⁵⁸ конь. Гавэйн молитву
Кончив, трижды крестит грудь,
И под нехристову бритву
У Христа пытается путь.

Перекрестясь после «Отче», он поднимает взор, и -
Замечает на заломе дубравы неожиданный замок,
Кинувшийся ему сквозь стволы и сплетенные сучья,
С лесной возвышенности, у воды, и व्यющийся ров
Кругом, и замок такой красивый, как жилище князя,
Окруженный парком и обнесенный плотной палью,
Тянувшейся между дерев, может быть, мили на две.
Долгожданный приют поблескивает ему в прогале

Дубовой роши, и рыцарь, разбирая между деревьев -
Шпили, шапки башен, – благоговейно стягивая шлем,
И с почтительностью прижимая его правой рукой,
Благодарит благого Иисуса и блаженного Юлиана,
Услыхавших усталые уста и указавших убежище.
«Помогите мне, пожалуйста, обрести там приют», —
Торопливо крестится он и тревожно трогает
Шпорами и шенкелями чуткого Гринголета.
Тот ворохнулся, прынул, и верную выбрал дорогу,
Повела путников и поставила перед подъемным
Мостом на цепях.

Мост как на дыбы вознесся,
Ворота на весь запах:
Что для них твои морозцы,
Натиск вьюг и снежный прах!

Рыцарь и конь под ним рассматривали двойной ров,
Отделявший их от отвесных стен огромного замка,
Из тесанных каменниц крутой крепостной кладки,
Встающих из толщи воды на неподъемную высоту,
С поясным выступом вдоль периметра укрепления.
Зубцы защищены, по закону битвенного зодчества,
Брусками или балками; дозорные башни в боевой
И полной готовности; мелькают прорези бойниц:
Словом, рыцарь ни разу не видел раската⁵⁹ мощнее.

⁵⁹ укрепления

Задержавшись на главной зале прекрасного замка
Восхищенным взором, он внимательно оглядывал
Округлые башни, одетые лиственным орнаментом,
И великолепные венцы их, и высоченные шпили,
И целое полчище пылких печных труб над покатом
Белой черепичной кровли, заблиставшей до боли
На солнце, и сонм свежее-выкрашенных светелок -
Выглядывая из-за военных возведений твердыни,
Бельведерчики-всходницы⁶⁰ были будто резаны из бума-
ги.

Молодой витязь ездил взад и вперед вдоль воды,
Размышляя, как за размашистым рвом и воротами
Обрести в обители келийку, да сходить к обедне
В этот праздничный день.

«Эге-гей!» – зовет ратник.

Сей же миг в бойнице тень:

Появляется привратник -

Улыбается со стен.

«Мил человек, – молвит сэр Гавэйн, – послужи мне:

Не сочти за труд, сходи к своему хозяину, спроси –

Не приютит ли путника на самую краткую пору?

«Во имя святого Петра, – приглашает привратник, —

Мой господин будет рад, гостите хоть целый год».

Вскорости привратник возвращается с вереницей

⁶⁰ башенки

Помощников, пожелавших поклониться принцу.
Ослабив цепи, они опускают подъемный мост,
Толпа, с топотом перейдя ров по гулкому трапу,
Встает пред вельможным всадником на колени
Прямо на стылую землю и стоит со смиреньем,
Покамест, прикрикнув, не прикажет подняться.
Поспешно распахивают они ворота на всю пята⁶¹,
Валят за проскакавшим верховым и еще воют,
Кому держать стремяна, пока он слезает с седла.
Какие-то крепкие люди утягивают кормить коня,
У дверей дома дожидаются гридни⁶² и оруженосцы,
Чтобы с воином вместе войти в высокий чертог.
Он стягивает шлем, и щит долой, самые шустрые
Из толпы торопятся принять их; то же и с мечом.
Затем он здоровается с ними, заключая в объятья,
Каждый из компании норовит обнять сего князя,
Наконец, наздоровавшись надлежащим образом,
Ведут витязя во всем облачении в высокую залу,
Где в пышущей печи звонко прогорают поленья.
Входит глава дома, господин всех этих гридней -
Самолично спустился с сеной ради сэра Гавэйна:
«Добро пожаловать в мой домишко, дорогой гость!
Располагайся поудобнее и пользуйся по праву всем
Что есть, от верху вниз».

⁶¹ нараспашь

⁶² дружина

«Вот спасибо, – баит рыцарь, —
Дай Христос благие дни -
Отплачу тебе сторицей»
И к плечу его приник.

Гавэйн поглядывал на гостеприимца-хлебосола,
Владельца замка, высокорослого и на возрасте,
Могучего сложения, маховой мерной поступи:
Большая борода бурая лежит, как бобер бежит,
Лицо пышет пламенем, язык хорошо подвешен:
Достойный господин добрых людей и дружины.
Барин приказал натопить баню и принести белье,
Приставил к нему проворного парня-прислужника -
Он отвел рыцаря в отведенную ему одрину⁶³ – покой,
С пуховой периной, хрустящей постелью, пологом,
Портьерами шемаханского шелка, на витом шнуре,
С кистями, катающимися по кольцам красна золота.
А стены в горнице не голые, на них везде гобелены,
Вышитой товар тулузской и туркестанской отделки,
И такого ж рисунка редкой работы под ноги ковер.
Слуги сноровисто и с прибаутками совлекают с него
Пожар панциря и сполохи перезвончатой кольчуги,
Несут роскошные рубахи с раскидистыми рукавами:
Он выбирает две виссоновые с богатыми вышивками,
И в развивающихся длинных рубахах точно в ризах,

⁶³ спальню

Оборачиваясь ангелом в ослепительном облачении -
Стройные икры и завити⁶⁴ светло сияют сквозь ткани -
Что все подумали о нем:
«Он даже среди наиславных
Стократно будет оценен,
Принц этот не имеет равных,
В Христовом воинстве земном.»

Уголек в печи, а пред печью уже и услон⁶⁵,
Удобенный и богато убранный, уготован
Для путника, с подушками и подстилкой,
Он берет богатый байберековый⁶⁶ балахон
С капюшоном, кидает красный на плеча,
Укутывается до пят узорным уполоком,
Хмельная брага, ходкий хмыл⁶⁷ в камине,
Милостивая мантия мягчайшим мехом
Горностая греют прозябшего Гавэйна,
Все вместе возвращая ему веселый дух.
Собирают на стол, белоснежну стелят
Скатерть, солонки и судки из серебра,
Он умывается, а вот и убрус!⁶⁸ – усадили...

⁶⁴ часть руки

⁶⁵ креслице

⁶⁶ байберек – старинная ткань

⁶⁷ жар

⁶⁸ богатое полотенце

Чашники и прочая челядь так и чешут:
Тащат в трапезную за тарелкой тарелку,
В них закуски, зелень, заливной окунь,
Разварной налим, да рыбные расстегаи,
Белорыбица, балык, в бочонке сельдь,
С хлебцем, под хреном, сомий холодец,
Снедь сдобрена смышленными речами,
Сам хозяин им первый смеется, смакует.
Трапезники галдят тосты товарищества, и уже «на ты»
С Гавэйном:
«Не еда – епитимья!⁶⁹
Потерпи, поразговеем!»
«Други, вы мне как семья...»
(Вишь как забирает хмелем!)

Впрочем, они еще не ведали, как его величать!
А как оказалось, что он – Артуров огнищанин⁷⁰,
Князь Кругла стола, да и королевских кровей,
И что обет верности он давал одному Артуру,
Что сам сэръ Гавэйн, собственной персоной,
Располагает разговеться с ними в Рождество,
То магнат, от мысли, какого он мает молодца,
Растаял на радостях, расплылся, расхохотался,
Прочие же просто потеряли дар речи, а после

⁶⁹ наказание, говение

⁷⁰ старший дружинник

Взвились от восторга, ибо всем ведом витязь
Сэр Гавэйн, галантный, но грозный дуэлянт,
В деле ли с дамами, на дамасских ли саблях,
А потому и питук пошептал питуку на ушко:
«Это главный эксперт по этикету и эквивокам,
В нашей глуши мы глядим олухами, а Гавэйн,
Можно сказать, магистр модных наук и манер,
Златоуст, умница, уговорщик, увещеватель, ух!
Господи, мы ж горевали, а Ты угадал с гостем,
Сам в сочельник свалился в руки, и станет с нами
Рождество встречать.

Славно привалило к святкам:

Нас научит, примечай,
И учтивости хваткам,
И любезности речам.»

Засиделись за столом до самых синих сумерек -
Вот все встают, ибо и время уж идти к вечерне;
Святые отцы своим чином отворяют образную,
Воздух вздрогнул: звонница возрадовалась, раздался
Над замком перезвон, праздная радость Богородицы
В канун Христова рождества; хозяин и его хота⁷¹
Входят во крестовую, кланяются, идут к киоту,
Госпожа проходит в боковой покойный придел,
Исчезая вслед за иереем в своей исповедальне,

В ту минуту втиснулся наш молодец в молельню,
Тихо хрустящую свечами – тут хозяин хватъ его

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.